

РАЧЕВКА В 1812 ГОДУ: «НЕПРИЯТЕЛЬ ОТБИТ НА ВСЕХ ПУНКТАХ...»

Андрей ЗЕЛЕНСКИЙ,
г. Смоленск

Смоленское сражение 17 августа 1812 г.

Худ. Жан Шарль Ланглауа. 1839 г.

Национальный музей Версальского дворца и дворцов Трианон

В понедельник 5 (17) августа 1812 года предместье Смоленска Рачевка, находившееся на левом фланге смоленской обороны, стало местом ожесточенного противостояния защищавших Смоленск русских войск и польского корпуса армии Наполеона.

Участок поймы на левом берегу Днепра выше Смоленска имеет ширину не более 500-600 метров и длину до 4-х километров, если считать от Рачевского пролома крепости на месте бывших Крылошевских ворот (сейчас – пересечение улиц Соболева и Тимирязева) до деревни Шеин Острог (конец улицы Шейна). Он прижат к реке высокими холмами современного популярного района новостроек Новосельцы.

Эта местность в описании сражения за Смоленск 1812 года во французских письменных источниках той поры называется «плато Ра-

ченка» (plateau Raczenka – фр.). Но смысл термина «плато» отнюдь не плоская возвышенность, как представлялось позднейшим писателям еще с XIX века и как трактуют его современные толковые словари. Тогда, в старину, французский термин plateau одним из своих значений имел ровное пространство для столкновения войск, плоскую арену боевых действий, поле боя.

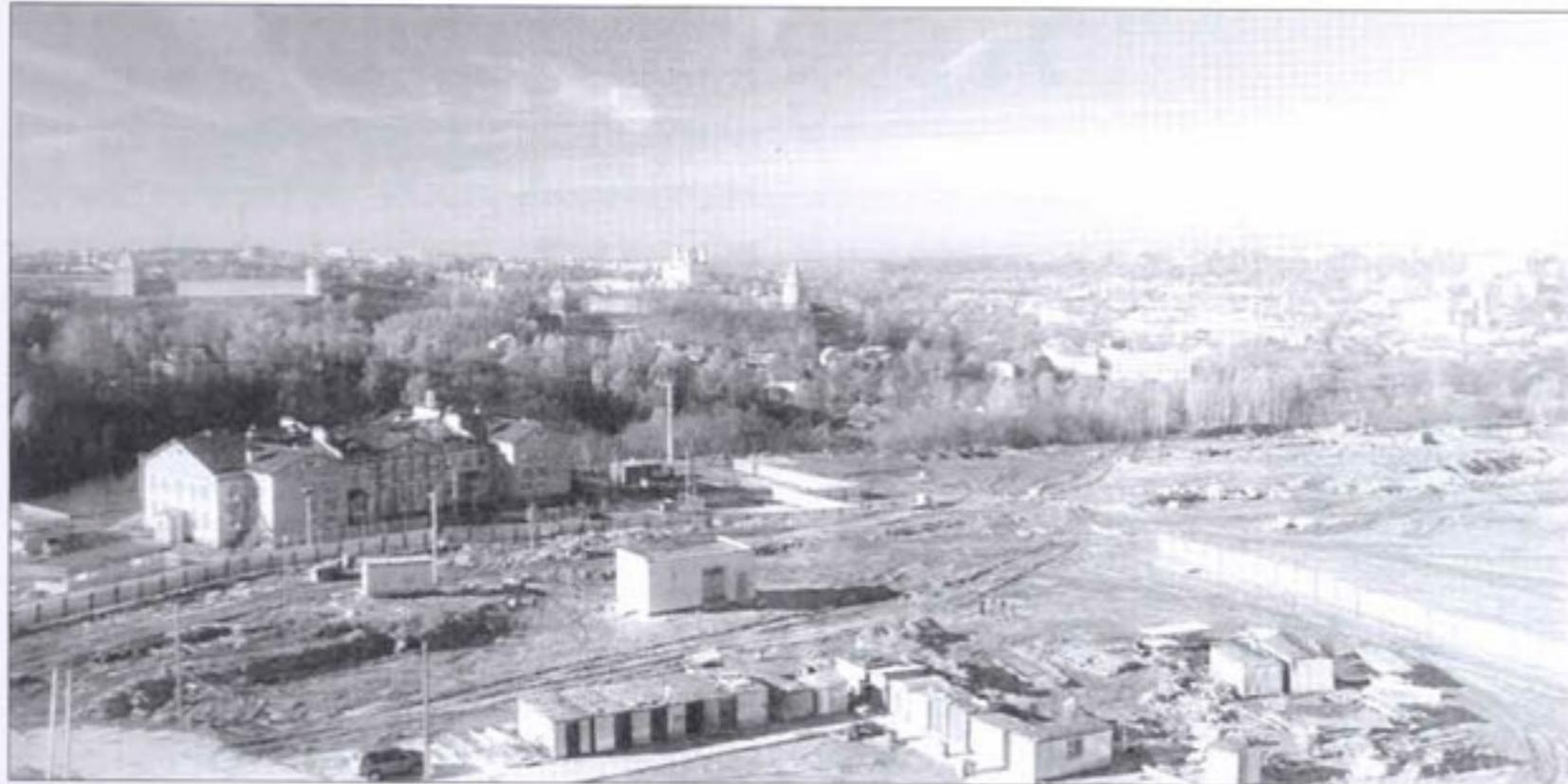
Кладбищенская Окопная церковь находится в середине «плато Раченка». В 1812 году церковь и кладбище были в небольшом отдалении от внешней границы Рачевского предместья. Само предместье располагалось вдоль современной улицы Соболева, а на месте нынешних улиц Загорной, Покровского и Перекопной частью своей поднималось по обеим сторонам речки Рачевки от ее устья в сторону башни Орел.

В замечаниях И.П. Липранди на «Описание Отечественной войны 1812 года» А.И. Михайловского-Данилевского подчеркивается, что первую половину дня сражение ограничивалось перестрелками по всей линии соприкосновения и редкими выстрелами русских пушек по замеченным скоплениям неприятеля.

Наполеон на белом арабском коне в сопровождении адъютантов и охраны проскакал в сторону Шеина Острога вдоль развернутой в боевую линию 18-й пехотной дивизии польского генерала Княжевича. Она заняла современное пространство от Смоленского полиграфкомбината в сторону Новосельцев. Император остановился перед фронтом дивизии и воодушевил солдат созданного им Великого Герцогства Варшавского призывом: «Поляки, Смоленск – ваш город!» По многочисленным свидетельствам современников, среди польских воинов царил небывалый подъем. Они рвались в бой, и присутствие французского императора прибавляло им восторга и уверенности. Однако, как выяснилось в ближайшие часы, они наткнулись не только на каменные стены Смоленска, но и на каменную решимость русских солдат дать отпор врагу.

Лично убедившись у Шеина Острога, что русская армия (это была 2-я Западная армия под командованием П.И. Багратиона) начала отступление по Московской дороге, Наполеон немедля отдал приказ к общему штурму Смоленска по всему периметру своих войск, обнимавших город, так сказать, от Днепра до Днепра, в попытке перевести битву за Смоленск в генеральное сражение.

Полки дивизии легкой кавалерии французского генерала Брюйера, наступая от Шеина Острога вдоль Днепра на Рачевку, обратили в бегство казачьи пикеты и три полка русских драгун от Окопной церкви: Оренбургский под командованием генерал-майора С.В. Дяткова, Иркутский генерал-майора А.А. Скалона и Сибирский полковника К.А. Крейца. Русских драгун, по свидетельству Крейца, было «всего

Современный вид на Смоленск со стороны Рачевки, соотносящийся с картиной Жана Шарля Лангла

15 слабых эскадронов», измученных предшествующими событиями кампании, продолжительными голодными и безводными маршами. Генерал Скалон во время этой ретирады погиб при не выясненных обстоятельствах. Драгуны ушли на правый берег Днепра, откуда в пешем рассыпном строю до самого вечера участвовали в перестрелке с неприятелем через реку.

Кавалерия Брюйера не могла развивать свой успех. Из Рачевки в город вела дорога с небольшим каменным мостом через речку Рачевку. Вход в город преграждал старый вал, обновленный последний раз еще при Петре I. Предместье занимала русская пехота, в садах и за деревянными строениями, за заросшими бурьяном заборами засели русские стрелки. На противоположном, правом берегу Днепра у церкви святых Гурия, Самона и Авива (Гурьевское кладбище) были установлены тяжелые орудия 30-й батарейной роты подполковника Б.Б. Нилуса. Ко всему, дороги на подступах к Смоленску оказались трудными для продвижения кавалерии и артиллерии из-за наличия большого количества водомоин.

Согласно изысканиям советского и российского историка-архивиста В.И. Вяликова, 5 (17) августа 1812 года в Рачевке сражалась 1-я бригада 27-й пехотной дивизии Д.П. Неверовского: Одесский и Тарнопольский пехотные полки. На стыке с Рачевкой защищали Никольское предместье егерские полки этой же дивизии – 49-й и 50-й. Прикрывала

полки Неверовского 24-я полевая артиллерийская бригада.

Командующий артиллерией поляков генерал Пельтье последовательно выдвинул на холм выше Окопной церкви и напротив батареи Нилуса 42 орудия, еще 18 добавили французы. Эти пушки противодействовали нашей батарее, впрочем, по словам очевидцев, с малой эффективностью, а также обстреливали русские войска, прикрывавшие днепровский мост, и пытались зажечь его брандскугелями.

На штурм Рачевки две колонны, составленные из полков дивизии Княжевича, пришли в движение одновременно с сигнальными ракетами к общей атаке Смоленска около трех часов дня. Одна шла в направлении башни Веселухи, другая – в сторону башни Заалтарной.

Маршал Ней атаковал наш правый фланг – Красненское предместье – на пространстве от церкви Михаила Архангела (Свирской) до Королевской крепости. Маршал Даву мощно надавил в центре на предместья Мстиславльское и Рославльское. Польский корпус князя Понятовского на русском левом фланге атаковал предместья Никольское и Рачевку.

Русские стрелки, разбросанные в густых можжевеловых кустарниках Чертова рва, не могли сдержать сильного натиска, хотя наступающие колонны фланкировала с другого берега артиллерия Нилуса и встречали огнем орудия, приданые отрядам, защищавшим

город. Обзор поля боя резко ухудшился. В небо поднялись плотные столбы черного и зеленого дыма. Это были подожжены стога сена, вспыхнули также и деревянные постройки Рачевки. По свидетельству смоленского священника Никифора Мурзакевича, в тот день Рачевка выгорела наполовину. Также в ней полностью сгорела деревянная церковь и серьезно пострадала от пожара каменная.

Вспышки выстрелов воюющих сторон едва были заметны в густом дыму. Неумолчно гремела канонада, и трещала ружейная пальба. «Это было настоящее пекло», – вспоминал польский генерал Генрик Дембинский, в то время поручик польского 5-го полка конных стрелков, стоявший со своей ротой в прикрытии батареи конной артиллерии, обстреливавшей Смоленск.

Натиск поляков был и сильным, и отважным. Но коса нашла на камень.

Разглядывая Смоленскую крепость перед боем, неприятель видел передвижение войск не только через ворота, но и через особые проходы в стене, называемые форточками. Польский участник Смоленского сражения Рыбинский в своих мемуарах называет их потернами.

Отчаянно карабкаясь по склонам оврага, прикрывающего город с востока, польские солдаты оказались под самыми стенами крепости и, не имея штурмовых лестниц, пытались ворваться внутрь через потерны. Русские воины во встречном ожесточенном рукопашном бою штыками и прикладами преграждали им путь. Оказавшись под высокими стенами без укрытия и не получив приказа отступать из огня (несколько адъютантов погибло, не успев его передать), польские солдаты залегли на склоне и в складках Чертова рва, обращенных к городу, и вступили в перестрелку с засевшей на стене пехотой. Многие из них там и остались, поражаемые сверху пулями, часто прямо в темя.

Атака на Рачевское предместье не имела успеха до тех пор, пока маршал Мюрат не приказал 16-му полку Чарторыйского и двум ба-

*Сражение 5 (17) августа 1812 г. под Смоленском.
Худ. Петер фон Хесс (Гесс). 1846 г. Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург*

тальонам 3-го полка из 16-й пехотной дивизии генерала Зайончека ударить на Рачевку от Никольских ворот вдоль Чертова рва.

Наполеон видел бесплодные попытки солдат ворваться внутрь стен и то, в какой безнадежной ситуации они оказались. Понаблюдав за действиями поляков, он возвратился от Рачевки в центр позиции к своему штабу и отдал приказ 18-фунтовыми пушками гвардейской артиллерии бить стены крепости на пролом. Три батареи по 12 орудий заняли назначенные позиции, но крепость выдержала удар, и тогда выстрелы направили по зубцам стены, чтобы истреблять пехоту.

Польский бригадный генерал Грабовский во главе 2-го пехотного полка был впереди колонны, ближайшей к Днепру. По воспоминаниям современников, удобную дорогу показывал солдат, раньше служивший в смоленском гарнизоне. Первые шеренги атакующих уже переходили на бег и примыкали штыки. Они вошли в крепость через Рачевский пролом, но были остановлены залпом из двух орудий и отброшены штыковой контратакой.

В критический момент сражения на помощь в Рачевку были направлены полки 4-й пехотной дивизии принца Евгения Вюртембергского Волынский и Тобольский. Они во время подоспели к выбитым из Рачевки батальонам 27-й дивизии.

В контратаке на поляков приняли участие Лейб-гвардии егерский полк дивизии генерал-майора А.П. Ермолова, защищавший днепровский мост, и батальон 6-го егерского полка. Совместными усилиями эти части вынудили неприятеля отступить из предместья. Генерал Грабовский, сраженный картечью, упал с лошади и был добит штыком.

Волынский и Тобольский полки по приказу Евгения Вюртембергского заняли прикрытый путь со стороны Рачевского предместья.

Принц Евгений писал в своих мемуарах о событиях этого позднего вечера: «...Главным делом гвардейского и 6-го егерских, и Тобольского с Волынским полков стало спасение многих польских раненых из пылающего Рачевского предместья. Там же был обнаружен раздетый труп генерала Грабовского, которого опознал его двоюродный брат, служивший в чине полковника в нашей гвардии».

Стрельба пехоты утихла, некоторое время продолжалась артиллерийская канонада. Усилился пожар, ознаменовавший гибель Смоленска. Внутри крепости он был настолько силен, что его сравнивали с извержением вулкана Везувия.

Приказ главнокомандующего русскими армиями Барклая-де-Толли – ночью, скрытно от неприятеля покинуть город – не был доведен до каждого подразделения в передних

линиях и на стенах, из-за чего некоторое количество русских солдат оказалось в плену, когда армия Наполеона утром, но еще затемно, вошла в оставленный, залитый кровью, догорающий Смоленск.

В Рачевке из жителей не было ни одной живой души...

Достоверно о потерях обеих сторон мы никогда не узнаем. По оценке участника сражения, впоследствии немецкого генерала, фон Брандта, поляки в сражении за Никольское предместье и Рачевку потеряли в этот день 60 офицеров и до двух тысяч солдат и унтер-офицеров. Общие потери французской армии в сражении за Смоленск и при Валутиной горе, по различным оценкам, сделанным еще в XIX веке, имеют разброс от 6 до 20 тысяч человек. Историк Отечественной войны М.И. Богданович так формулирует причину: «Нет никакой возможности показать их в точности по чрезвычайному разногласию материалов, могущих служить тому основанием».

Общие потери русской армии в Смоленском сражении убитыми и ранеными в донесении царю М.Б. Барклай-де-Толли обозначил в четыре тысячи человек.

Почти через полвека после Богдановича военный историк Н.П. Поликарпов на основании архивных документов попытался вывести цифры потерь русской армии. В «Боевом календаре-ежедневнике Отечественной войны 1812 года» он приводит сводную таблицу убыли нижних чинов в сражениях 4, 5, 6, 7 августа при г. Смоленске и при отступлении от него через д. Лубино к Соловьевской переправе. Суммарно, по таблице, выбыло из строя солдат и унтер-офицеров убитыми, ранеными и пропавшими без вести 14 677 человек. В примечании сказано, что цифры далеко не полные, так как не сохранились сведения о потерях многих войсковых частей, действовавших в этих сражениях. Таюже невозможно отдельно определить потери среди нижних чинов в каждом из этих сражений.

По материалам сайта
www.smolensk1812.ru